

Якоб-Филипп Фальмерайер Граф Остерман-Толстой (февраль 1856 г.¹)

11 февраля этого года (30 января по старому стилю), если мы не ошибаемся, в день 87-летия², встреченного на собственной вилле в Пти-Саконне под Женевой, в глубочайшем уединении с политической арены ушел генерал от инфантерии российской императорской армии Александр Иванович фон Остерман-Толстой, герой сражения под Кульмом.

Судьба долго его берегла; она не украшала Остермана-Толстого венком победителя, чтобы в тот же день забрать на поля блаженных³, как его двойника Леонида⁴. С ледяным спокойствием наблюдая за жизнью беззаботного кутилы, судьба уводила своего баловня от смерти, и вот пришло восхищение, которое испытала благодарная Германия перед смертным гением после великого дня под Кульмом, а граф вкусил в полной мере и от славы, и от горечи жизни, избежать которой не в состоянии человек дела — сильный и убежденный.

У русских есть все основания облачиться в траур, ведь в возведенном ими гордом храме счастья и величия одна за другой рушатся колонны, поддерживающие свод, а плеяды блистательных полководцев великой войны за освобождение Европы окончательно гаснут. Не без основания мы опасаемся, что с уходом от нас графа Остермана рвутся последние узы любви и симпатии между Германией и Москвой, и рушится мост,

На русском языке публикуется впервые. Перевод с нем.: © Виталий Слободяник, © Елизавета Иванова, © Григорий Симкин — по изд.: *Jacob Philipp Fallmerayer. Gesammelte Werke. Zweiter Band: Politische und kulturhistorische Aufsätze. Leipzig, 1861, s. 359-378.* Примечания: © Григорий Симкин, © В.Б. Двораковский

¹ Следует читать 1857. Статья не могла быть написана в 1856 г., т.к. Остерман-Толстой умер год спустя. Скорее всего, это ошибка издательства.

² Остерман-Толстой родился 30 января по новому, а не по старому стилю.

³ Поля блаженных (Елисейские поля или Элизиум) — в античной мифологии счастливая страна в загробном мире на берегу реки Океан, куда по окончании бренной жизни попадают любимые богами герои.

⁴ Леонид (508/507–480 гг. до н.э.) — спартанский царь. В войне с персами в 480 г. возглавлял греческое войско. Погиб в сражении у Фермопил, прикрывая с небольшим отрядом спартанцев отступающие войска. В античных преданиях Леонид — образец патриота и воина. Многие историки сравнивали Кульмское сражение с битвой при Фермопилах. В своем дневнике адъютант Остермана-Толстого Иван Лажечников записал вскоре после сражения: «Гордись Россия! Дух сынов твоих победил величие Греции и Рима. Ты не имеешь более нужды, в пример питомцам твоим, указывать на родину Леонидов и Сципионов: ты перенесла ее с сими Героями на священную твою землю. Потомство твое, при новых непомерных подвигах мужества, не будет более говорить: они сражались и умирали, как спартанцы при Фермопилах. Нет! Сыны и внуки наши скажут тогда: они сражались и побеждали, как русские под Кульмом». (*Лажечников И.И. Походные записки русского офицера 1812, 1813, 1814 и 1815 годов.*— М., 1820.— С. 208–209).

ведущий из страны славян на Запад⁵. Вот — сломалась и последняя балка в лице графа Остермана-Толстого. Попран братский союз немцев и русских, так прочно замешанный на общей нужде, забыта клятва, отменен даже символ; мы не можем и не хотим более идти одной дорогой. Холодный взгляд и руины, нагроможденные на границе между странами, говорят лучше слов, теперь же нас поражает, как долго русские и немцы оставались друзьями и братьями.

Не будем искать виновных во враждебном разводе. Будь то высокомерие и заносчивая алчность с одной стороны, или неблагодарность (по словам русских) и проснувшийся рационализм, приведший нас к вражде, с другой — это уже не важно, ведь неизбежный раскол грозит всей Европе.

Мысль, что немцы действительно в чем-то виноваты, или (по крайней мере) кому-то так кажется, долго была невыносимой для нас, немцев, а русским не в чем нас упрекнуть, за исключением разве того, что осозная наши возможности, мы снова заняли свое естественное историческое положение в Европе и охотнее действуем по собственной воле, чем подчиняемся чужим импульсам.

Русские нанесли французскому колоссу удар дубинкой и потрясли мир. Не без помощи стихии, но собственными силами они сумели выгнать из своей страны корсиканское чудовище. Сегодня каждый знает, что если бы не бессмертные подвиги самоотверженного прусского народа, русские и не задумались бы об освобождении Европы от оков и о завоевании свободы всему миру, а также что сначала, под ужасным австрийским влиянием, чаши весов судьбы Европы склонялись в пользу австрийцев⁶.

Плодами того времени пользуется современный род людской в уютной безопасности, как законной долей собственного наследства, не имея при этом ни малейшего представления о возвышенной жизни и пылкой страсти, охватившей юные умы в тот поворотный пункт истории человечества; погасить эти чувства и эту страсть может только прекращение самой жизни.

Кто в те времена интересовался политикой, и если он жив до сих пор, никогда не забудет, как граф Остерман, исключительно благодаря последствиям своего единственного подвига, встал в один ряд с первыми героями своей современности, оспаривая завидный ранг одного из величайших благодетелей освобожденной Германии.

Чтобы по мере возможностей сохранить память об усопшем, а также о его заслугах на благо нашего немецкого Отечества, чтобы уберечь эту память от забвения и передать

⁵ К 1856 г. отношения России с целым рядом стран Европы (особенно с Великобританией и Францией) стали откровенно враждебными. В конце Крымской войны 1853–1856 гг. возникла угроза присоединения к войне Австрии и Пруссии против России.

⁶ Сначала Австрия была за союз с Наполеоном и даже планировала воевать на его стороне.

ее потомкам во всем своем неослабном блеске, некто⁷, уже тогда разделявший энтузиазм современников и в свои полные 26 лет состоявший в прочной и долговременной дружбе с графом Остерманом, в прилагаемых записях составил краткий очерк о жизни этого замечательного русского человека.

Правда, знает он не так много и поведать может лишь немного; но его знание тем более ценно, поскольку собрано из случайных реплик самого Остермана, для которого правда была превыше всего, особенно если он говорил о себе. Корнелий Непот⁸ причислил персидского военачальника Датамеса⁹, сына от брака карийского¹⁰ варвара со скифянской, к героям Эллады и Рима за то, что скиф Датамес совершил свои блестящие подвиги не за счет большой военной силы, но благодаря превосходящему уму и осмотрительности (*magnitudine copiarum, sed consilii*¹¹). Совершенно тоже самое можно сказать во славу графа Остермана. Было бы излишним превозносить личное мужество и солдатскую неустрашимость этого русского. Несравнимый инстинкт войны, но также неистощимое богатство средств разведки, способность быстро понять ситуацию, принять решение и действовать — все это заставляло даже соперников признать за графом Остерманом славу великого полководца того ужасного времени. Но для обоснования истинного величия и непреходящей славы полководца недостаточно даже этих качеств самих по себе, если нарушается тщательность в сохранении живого материала, необходимого для боя. Питание и физическое благополучие армии было главнейшим делом Цезаря, и как часто этот великий полководец откладывал важнейшие стратегические маневры, заботился о квартирах, менял свои планы или полностью отказывался от них, поскольку должен был обеспечить достаточный подвоз провизии, или «когда оставалось всего два дня до получения армией зерна» (*quia biduum superat, cum exercitui frumentum metiri oportet*¹²).

По мнению графа Остермана, быть русским солдатом — это самый печальный жребий, который может постигнуть смертного. Сегодня причина подобного меланхолично-

⁷ Фальмерайер имеет в виду себя.

⁸ Корнелий Непот (99–24 гг. до н.э.) — римский историк, изучение отрывков из произведений которого широко практиковалось для обучения латыни в школах XIX в.

⁹ Датамес (Датамитр) — персидский чиновник и полководец эпохи Великой империи Ахеменидов, умер в 362 г. до н.э.

¹⁰ Кария — историческая область в Малой Азии, на территории современной Турции, в древности была независимым королевством.

¹¹ «...в то время как успех, выпадавший ему на долю, достигался не столько силой, сколько умом...» — цитата из произведения Корнелия Непота «О знаменитых иноземных полководцах» (том XIII (Тимофей), глава 4). Перевод с лат. Н.Н. Трухиной.

¹² «До распределения между солдатами хлеба оставалось только два дня» — цитата из «Записок о галльской войне» Г.Ю. Цезаря (книга первая, абзац 23). Полностью абзац выглядит так: «23. До распределения между солдатами хлеба оставалось только два дня, и так как Цезарь находился не более чем в семнадцати милях от самого большого у эдуев и богатого провиантом города Бибракте, то он счел нужным позаботиться о продовольственном деле и на следующий день свернул в сторону от гельветов, направившись к Бибракте». Перевод с лат. М.М. Покровского

го изречения ни для кого не секрет, а русские военачальники (большие и малые) довольствуются необходимостью оправдываться перед Западом отнесением на свой счет заслуг, полученных от нещадной эксплуатации нищеты простых людей ради собственной выгоды. К счастью, нередко встречающиеся в России исключения из этого общего правила тем более достойны внимания и известности, что строгая справедливость в данном пункте не всегда становится любимым принципом младшего командного состава, руководителей складов, магазинов, лазаретов или банкиров, финансирующих армию, а для корпусного командира благополучие его солдат не всегда рассматривается как самое надежное средство, гарантирующее победу. В этой части полководческого искусства все другие русские генералы были менее осторожны, более боязливы и безжалостны, чем граф Остерман. В то время когда его меньше всего ожидали, часто в полночь, он появлялся — всегда дружелюбный и полный любви — то в лазарете, навеситить раненого воина, то на складе с проверкой наличных запасов лекарств и провизии, то по три раза на неделе с проверкой у подчиненного, которого ожидал справедливый упрек. — «Меня не любили», — говорил по этому поводу старый друг солдат, когда он иногда пытался вести себя аналогичным образом и с немцами.

Первоначальное имя нашего героя Александр Иванович Толстой. Его отец Иван Толстой, исконно русский дворянин, но бедный, владевший малым имуществом, или вообще с полным отсутствием такового, был генералом от артиллерии в армии Суворова во времена Екатерины II и умер, так и не нажив богатства на государственной службе, находясь в должности коменданта кадетского корпуса в Санкт-Петербурге. Мать родившегося между 1770 и 1772 гг. в Санкт-Петербурге Александра Толстого принадлежала роду крещеных в христианстве татар Бибиковых*. Позднее богатый и знаменитый граф Остерман-Толстой достаточно драматично рассказывал, как скудно он содержался в отеческом доме, как трудно ему пришлось в юные годы и как убога была его экипировка на семнадцатом году жизни, во времена турецкой войны 1787 г., когда лейтенант Александр Толстой поступил в Дунайскую армию.

Насколько суров был родительский режим, как тяжела была его юность, и каким бедным был лейтенант Александр Толстой, в свои 17 лет отправившись на русско-турецкую войну (в 1787 г.) в составе дунайских войск, — обо всем этом богатый и знаменитый граф Остерман-Толстой рассказал порядочно.

* Узнать из уст графа фактическую дату его рождения было невозможно. (Примечание автора).

Жизнь русского военного лагеря в болотистых устьях Дуная и даже суровая дисциплина при Суворове показалась эмансипированному «домашнему ребенку» после скудости отчего дома освобождением из плена. Достойной подготовкой новичка к ужасам новой жизни оказался страшный штурм Измаила — танец смерти (22 декабря 1790 г.).

Даже много недель спустя русский солдат не хотел есть дунайскую рыбу потому, что эта рыба могла питаться трупами 30 000 османских воинов, убитых и сброшенных в реку.

Лейтенант Толстой был рано замечен Екатериной II и вскоре после заключения мира, пользуясь благосклонностью императрицы, вернулся в чине гвардии капитана в царскую резиденцию в Санкт-Петербурге, где тогда еще были живы оба сына знаменитого графа Андрея (Андреаса) Остермана, основателя дома Остерманов.

Генрих Иоганн Фридрих Остерман (как его звали до принятия православия¹³) пришел на службу в русский военный флот в 1704 г., будучи бедным сыном священника из Бохума¹⁴ в Вестфалии. Затем он, очевидно по рекомендации, переехал в Санкт-Петербург, где понравился царскому двору и добился успеха. На Пруте Андрей Остерман (как он звался в православии) оказал крупную услугу Екатерине и Шафирову (в 1711 г.). В 1721 г. за успешные переговоры по Ништадтскому миру он был произведен в бароны и стал тайным советником ещё при Петре I, вице-канцлером при Екатерине I. После назначения опекуном Петра II, Андрей Остерман получает графский титул, а при Анне I возглавляет кабинет министров (в 1730 г.). Регентша¹⁵ сделала его генерал-адмиралом (в 1740 г.). Но по восшествии на трон императрицы Елизаветы Остерман сразу теряет свое высокое положение и ссылается в Сибирь с конфискацией всего движимого и недвижимого имущества, где умирает в 1747 г., оставив после себя двух сыновей и дочь.

Несчастья не покидали дом Остерманов более двадцати лет, но вот в России наступили большие перемены, и по восшествии на престол северной Семирамиды троим отпрыскам сибирского изгнанника милостивым царским указом возвращается утраченное имущество с компенсацией вреда и с возвратом всех конфискованных семейных имений.

¹³ По другим источникам А.И. Остерман до конца жизни оставался лютеранином.

¹⁴ Бохум — город в федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия, центр Рурского региона.

¹⁵ Подразумевается правительница России в 1740–1741 гг. Анна Леопольдовна, которая была регентшей при младенце-императоре Иоанне IV.

Оба сына усопшего генерал-адмирала были бездетны и оставили наследство внуку своей сестры Софии¹⁶ (бывшей замужем за отцом Александра, генералом от артиллерии Иваном Толстым) молодому гвардии капитану Александру Толстому при условии, что отныне он будет именоваться графом Остерманом-Толстым.

Имения Остермана-Толстого, одна часть из которых была под Санкт-Петербургом, другая — недалеко от Москвы, и третья — под городом Могилевом в Белоруссии, приносили своему владельцу, как говорят, триста тысяч франков (в рублях ассигнациями) годовых. А так как и княжна Голицына¹⁷, с которой вскоре сочетался браком молодой граф, со своей стороны, имела двести тысяч рублей ассигнациями годового дохода, лейтенант Толстой, нередко нуждавшийся в начале своей карьеры, внезапно превратился в крупного богача, вынужденного придумывать способы тратить свои годовые полмиллиона.

Золотом, славой и властью, которыми так дорожит большинство смертных, капризное счастье наделило его сполна, но отказало ему в наследниках от связи с княжной. Теперь это богатство перейдет к потомкам сестры умершего, которая тоже замужем за одним из князей Голицыных, но хочется верить, с сохранением условия, что новый наследник (или наследница) тоже будут носить фамилию Остерман-Голицын, чтобы эта фамилия, столь дорогая всем русским, не была предана забвению¹⁸. Остаться жить в памяти людей, быть на устах тех, кто ходит по земле — вот лучший памятник и, как считали герои Трои, последняя дань уважения, которую потомки могут заплатить тому, кого забрала ее величество Смерть:

— *τό γάρ γέρας ἐστὶ θανάτων*¹⁹.

То, что сделала Екатерина II для обоих графов Остерманов и их наследника Александра Толстого, не подверглось при императоре Павле никакому сокращению, а при Александре I расцвело в полную силу. Молодой царь, еще неопытный, окруженный всякого рода опасностями и трудностями, быстро понял, какую выгоду он мог извлечь из юного графа Остермана-Толстого, с его элегантным обликом, высоким социальным положением, солдатской сноровкой, военным талантом, добродетелями, неподкупностью, непоколебимо верным и прямым характером. Волна удачи быстро и блистательно возносила кандидата на царскую милость выше и выше по ступеням карьерной лестницы на самый верх, но это не относится к делу и не имеет значения. Ведь всем нам из-

¹⁶ Автор ошибся. Дочь графа Андрея Остермана звали Анной.

¹⁷ Речь идет о княжне Елизавете Алексеевне Голицыной.

¹⁸ Так и произошло: в 1863 г. Князь Мстислав Валерианович Голицын принял фамилию и титул Остерманов и стал именоваться князь Голицын граф Остерман.

¹⁹ «...и над умершими, // И над живыми — нами, — власть твоя» — цитата из трагедии Софокла «Антигона» (строки 213–214): Перевод с др. греч. Фаддея Зелинского.

вестно, что в добре и во зле, в возвышении и в низвержении, в гневе и в милости самодержец и революция не знают меры или расстояний. На двадцать седьмом году жизни граф, получивший лейтенанта за Измаил, был уже генералом и, как сказали бы наши западные соседи, «*homme considérable*» (уважаемым человеком, фр.) при императорском дворе в Петербурге.

В битве под Аустерлицем (1805) граф Остерман командовал, если мы не ошибаемся, небольшим русским оккупационным корпусом, дислоцированным в районе Ниенбурга на Везере²⁰. В первой польской кампании (1807) молодой горячий генерал сражался в авангарде великой русской армии, которая под командованием Бенningсена сначала на р. Нареве и под Пултуском, а потом при Прейсиш-Эйлау и Фридланде вела борьбу против гения нового Цезаря.

Сразу по завершении этого первого военного похода в обеих вражеских армиях сформировалось два мнения. Солдаты Наполеона заметили, что война с русскими намного опаснее, а сражения на поле битвы с каждым разом становятся все упорнее, и победа над этим стойким народом стоит им все дороже, все печальнее и гораздо более бесплодна, чем это было с итальянцами, немцами или азиатами. Напротив, в русской армии уже тогда даже среди простых солдат появилось мнение, что всюду, где требовалось хладнокровие, мужество, сильные и молниеносные действия, надо посылать графа Остермана-Толстого. Это мнение (оно есть в русской армии и по сей день) получило свое страшное подтверждение, когда русские вынуждены были вступить в отчаянную игру с Наполеоном, тогда повелителем Европы, и должны были бороться за свое существование. Из 25 000 человек, составлявших к началу войны 1812 года армейский корпус Остермана, в день, когда последние остатки великой армии западноевропейских интервентов бежали за Неман, в живых оставалось около 2000 вооруженных бойцов. Все остальные пали волею судьбы в ежедневных отступательных боях, когда «железный» граф вел арьергард, особенно при Островно, под Смоленском, но большинство же — в великой «гуннской» битве под Бородиным, а затем во время преследования отступающего противника от Тарутина и Малоярославца до Ковно. Столь же сильно пострадали остальные части армии всех родов войск, и никто не вправе упрекнуть русских, что они одержали легкую победу и что одна лишь стихия боролась без их участия за освобождение родной земли. Даже командующие армией противника со своих позиций замечали глубокие и темные бреши, пробитые огнем их пушек на той точке русского боевого построения, где стоял армейский корпус под командованием графа Остермана. Баграти-

²⁰ В битве под Аустерлицем граф Остерман-Толстой не участвовал.

он потерпел поражение вместе с московитскими²¹ генералами, число которых теперь уже сложно установить. Но наш герой, неуязвимый под ударами судьбы, вышел невредимым из битвы титанов, чтобы наряду с самыми высокопоставленными русскими полководцами принять участие в том роковом заседании военного совета под началом Кутузова, где было принято решение о сдаче Москвы французам.

Все мы помним великую эпоху всемирно известных исторических событий 1812 года, с их с невероятным сочетанием героизма, любви к Отечеству, стойкости и воинского мастерства, которые русский народ проявил в то памятное время. Но если в кровавом сражении под Бауценом (которое развернулось на глазах у изумленного мира и до сих пор вызывает так много споров), лишь часть заслуг может принадлежать графу Остерману, то слава великого военного подвига в чешских Фермопилах под Кульмом будет навеки связана с его именем. Эта чистая и нераздельная победа стала только его успехом и его наследием.

То, что здесь описано, не биография в полном смысле слова, это лишь беглый набросок, сделанный нами в память знаменитого русского, на чаше с его пеплом.

Каждый знает, как великий континентальный альянс против «императора революции», после недолгого перемирия в военных действиях летом 1813 г. при первой же попытке совместными силами одолеть «чудовище» потерпел сокрушительное поражение, снова поставившее под сомнение освобождение Европы и создавшее угрозу распада самой антифранцузской коалиции. Огромное союзное войско было рассеяно и в диком беспорядке спасалось бегством, отступая в те самые горы, откуда недавно выступило, полное тогда величия в ожидании победы. Если бы Наполеону удалось направить всю мощь своих победоносных войск по пятам отступающих, разбитых частей союзной армии и не дать им воссоединиться, для антифранцузской коалиции все было бы потеряно, и никто не стал бы сегодня пытаться разобраться в политической ситуации между западными союзниками после оглушительного поражения. Великое войско под началом Наполеона, одного из самых буйных мастеров войны, катилось по тесным ущельям, а сам он, подобно Зевсу с молниями в руке, следовал за своей армией, которая бурлящим потоком стекала с гор.

То была крайняя нужда и последний миг, но никто не оборонялся, все бежали. Случайно граф Остерман, выздоравливающий после полученного под Бауценом тяжелого ранения, оказался в составе свиты, сопровождавшей императорскую штаб-квартиру, когда император Александр уже сделал свой выбор. Субординация, милость, зависть и ин-

²¹ Слово «московитские» применено в значении «из России».

триги отступили перед лицом великой опасности. Нужда, суматоха, отчаяние, разорение — все это звало графа Остермана встать в строй,

*ipsae te, Tityre, pinus,
ipsi te fontes, ipsa haec arbusta vocabant*²².

В записях, составленных ранее²³, мы попытались предельно подробно и с большой тщательностью отразить, как генерал-капитан Остерман, экспромтом решал поставленные перед ним задачи, насколько быстро (но все же с трудом) собрал он вокруг себя небольшое, но обученное войско, как искусным маневром лишил наступающего противника тактического преимущества, как сумел под шквальным огнем отступить из окрестностей Дрездена в тесное богемское ущелье, как, выстроив свою маленькую армию в боевом порядке на высотах за Кульмом, без малейшей надежды на спасение, в памятном бою 29 августа 1813 г. с императорским²⁴ искусством и мужеством смертника продержался день и ночь, отбив натиск превосходящего и опьяненного победой противника. Примеры, подобные этому, можно найти лишь в глубокой древности.

Волна галльского наступления, в ярости сорвав зубцы с железных стен германской крепости и пробив в самой конструкции стены широкие трещины, все же не смогла полностью сломить антифранцузскую оборону. Разбитые и рассеянные под Дрезденом, оглушенные и отказывающиеся подчиняться обломки Великого союзного войска снова пришли в себя и сумели явиться на поле битвы под Кульмом — окрепшие и с большим превосходством сил. Накануне этого чуда слабый русский отряд вел плодотворный бой со значительно превосходящими силами противника, что дало союзной армии срок для воссоединения. Этот спасительный срок, от которого зависело благополучие Европы, граф Остерман продержался, заплатив за него своей кровью и кровью тысяч своих отборных бойцов. Однако нельзя забывать, что под началом Остермана под Кульмом сражались опробованные в боях полководцы — принц Леопольд фон Кобург, герцог Евгений Вюртембергский и Ермолов.

На немецкой земле Кульмская битва 29 августа была единственной, где одни только русские боролись с врагом и одолели его **).

²² «Титира не было здесь! Сами тебя, Титир, сосны, // Сами источники звали и с ними кусты винограда» — цитата из «Буколик» Вергилия (эклога 1, строки 038–039). Перевод с лат. А. Щерина.

²³ Фальмерайер отсылает читателя к своей статье «Сражение за Кульм или четыре дня из жизни графа Остермана-Толстого», написанной в 1852 г.

²⁴ Слово «императорский» употреблено в значении «полководческий». В древнем Риме титул императора мог быть пожалован любому опытному полководцу, даже просто по решению воинов.

**) Фальмерайеру пришлось сделать «примечание задним числом» (*Allgemeine Zeitung* от 13 марта 1857 г.), которое здесь приведено в качестве исправления. «Чтобы заранее избежать всех недоразумений и ошибочных толкований, которые могут возникнуть у читателя очерка биографии графа Остермана-Толстого, с опозданием заметим, что из двух победоносных боев, называемых битвой под Кульмом, первое и менее масштабное сражение, которым командовал в одиночку граф Остерман-Толстой, потерявший в этом бою руку, произошло 29 августа (а не 30, как следует из очерка); второе же и более крупное, где неприятельская армия нашла свою гибель в сражении с объединенными войсками союзников, в ходе которого граф Клейст фон Ноллендорф обрел свое бессмертное имя, было дано не 31, а 30 августа при деревне Арбезау.²⁵ Эта ошибка памяти (*lapsus memoriae*), впрочем, сама по себе исправившаяся в подробной статье от 11, 12 и 13 апреля 1853 г. («Сражение за Кульм»), объясняет возражения уважаемой редакции, полностью справедливое в своей посылке, но после данного исправления совершенно не нужное.» — Если верить новейшему разоблачению (*Allgemeine Zeitung* от 14 сентября 1861 г.) «герой Кульма» был тогда явно душевнобольным! Приходят на ум слова Наполеона: *«Les vérités sont bien difficiles à obtenir pour l'histoire. J'ai vu me disputer à moi la pensée de ma bataille, me disputer l'intention de mes ordres et prononces contre moi. N'est ce pas le démenti de la créature vis-à-vis de celui qui a créé?»*²⁶. Редактор.

Если бы только этот народ был справедлив и лучше осознавал собственную выгоду, этот день был бы давно выделен в календаре, ибо ни один другой день не открыл нам врожденную национальную силу [русских]. Ведь с древности в России давно и с благодарностью почитают среди богов (*inter divos*) сыновей Рюрика Бориса и Глеба, но с еще большим правом Великого князя Александра Невского в память о его победе над скандинавами. Впрочем, дело под Кульмом, как и последовавшее за ним сражение при Арси-сюр-Об²⁷, было оборонительным боем, где победа состояла в том, чтобы отбить нападение и «не сдать позицию». Граф Остерман с остатком своего войска ни в коем случае не принудил гораздо более сильного противника сложить оружие, как нередко говорят; он его остановил, отбросил, смертельно поразил в жизненный нерв и оставил на произвол судьбы, настигшей неприятеля на следующий день.

Тем временем, как известно, союзные властелины с их многочисленными главными штабами, во всей их мощи — пруссаки, австрийцы и русские — прибыли на праздник

²⁵ Арбезау или Варвазов — местечко недалеко от Кульма, у подножия Восточных рудных гор.

²⁶ «Трудно добиться истины для истории. Я предвижу, как будут обсуждать и меня, и мои мысли, и мои баталши, мои намерения и мои приказы, чтобы использовать все это против меня. Но как опровергнуть созданное перед лицом самого создателя?» (фр.).

²⁷ В сражении при Арси-сюр-Об 20–21 марта 1814 г. перевес сил был не в пользу Наполеона, который вынужден был отступить, лишь ненадолго приостановив наступление союзников на Париж.

битвы, чтобы совместными усилиями полностью и окончательно раздавить вражескую армию, окруженную со всех сторон, и притом отрезанную от помощи из Дрездена самим злым роком. Приди они раньше, графу Остерману не надо было совершать ничего выдающегося. В этом случае он должен был бы в опасный момент под Кульмом лишь покрывать и маскировать вину других смелых и отважных полководцев и, следовательно, помогать всем разделить поровну славу дня. Но он остановил ураган в одиночку, силами своего императорского гения и мужеством отряда отборных героев. И этот ураган был настолько сокрушительным, что Великой союзной армии одолеть его на следующий день удалось при всем ее численном превосходстве над французами лишь с крайним напряжением сил.

Совершив подвиг, граф Остерман, хотя и с изувеченным телом, но с победным лавровым венком на голове во всем блеске великого полководца удалился за кулисы истории в самом цветущем возрасте.

Если кто-то станет восхвалять этого мужа, как счастливого, он будет делать это преимущественно потому, что капризная богиня судьбы не позволила своему любимцу испытать все непостоянство счастья и не омрачила последующими напастями славу, добытую дорогой ценой, или не дала этой славе потухнуть полностью, не лишила даже последних средств, как это случилось с Гаем Марием²⁸ или отдельными соратникам графа по освободительной войне.

После восстановления мира в Европе граф Остерман беззаботно жил в свое удовольствие в Санкт-Петербурге, «дрессировал гренадеров», сформировал новый гвардейский полк, и, будучи командиром этого подразделения, построил себе роскошный дворец, этот последний аргумент (*ultima ratio*, лат.) любого самодержца. При жизни Александра I он был, наверное, едва ли не самым влиятельным и могущественным человеком царском дворе. Не имея титула, но обладая могуществом некоего Садри-Узан²⁹, и будучи «вторым я» императора, он, как доверенный друг самодержца (если только самодержцы могут иметь доверенных друзей), инспектировал провинции и разбросанные по огромной российской империи армейские подразделения, принимал у себя (как я узнал от других людей) генералов, а также просителей от самых именитых наместников и высокопоставленных регентов. Сам граф никогда не говорил мне о таких вещах ни сло-

²⁸ Гай Марий (157–86 г.г. до н.э.) — римский полководец и политик, семь раз избранный в консулы. Провел военные реформы с введением профессиональной армии. Однако последствием этой реформы стало усиление отдельных военачальников, что привело к серии тяжелых гражданских войн в Римской империи. В конце жизни он стал жертвой интриг Суллы, и был изгнан в Африку.

²⁹ Смысл этого термина не найден. Скорее всего — турецкая фамилия или турецкий титул.

ва, и только в общих чертах соглашался, что он, «как человек и как солдат пережил немало прекрасных дней» и потому был счастливее, чем Принц Верующих из Кордовы³⁰.

С неожиданной смертью императора Александра для многих, в том числе и для графа Остермана-Толстого, безвозвратно закатилась счастливая звезда, если только она означала силу и власть. У нового царя были новые симпатии, и сцена ухода «героев Кульма» со двора императора хотя и была достаточно пикантной, но это — слишком долгая история, чтобы описывать ее в нашем беглом очерке.

Едва ли за все время почти 30-летнего правления Николая I графу Остерману довелось хоть дважды посетить свое отечество, которому он сослужил такую добрую службу. По большей части он жил в прекрасной Италии как добровольный изгнанник, но с роскошью, подобающей знатному вельможе. Долгое время он провел во Франции, несколько лет — в Германии, а именно в Мюнхене, где в 1831 г. познакомился с одним человеком, большим любителем литературы, и уже в том же году этот человек отправился в странствия с уставшим от Европы москвитом, поскольку был и без того внутренне готов к тому³¹. Наше совместное с графом путешествие заняло три года.

Кроме практического применения военного искусства, доведенного до виртуозности, граф Александр фон Остерман-Толстой в юности ничего не изучал, в чем чувствовал себя виноватым, как он сам уверял. Однако он от природы своей он обладал интеллектом, неуемной жаждой знаний, и был глубоко убежден, что культурные и благовоспитанные народы запада (а немцы — особенно) после своего освобождения от иноземного гнета не смогут долго вытерпеть жестокую военную деспотию «освободителя», не менее воинственного, чем недавний завоеватель³². Новый царь столь же хорошо чувствовал это, но считал, что низвести Запад, читающий Гегеля, до уровня богобоязненной России значительно легче и гораздо больше соответствует интересам самодержавия, чем постепенно, шаг за шагом, возводить русских до высот западноевропейской цивилизации. Граф Остерман мыслил и действовал в совершенно противоположном направлении. Он невероятно много читал, спеша восполнить недостаток своих знаний, и предпочитал общение с людьми, у которых полагал возможным научиться чему-либо.

В сердце этого человека неистребимо и глубоко запала вера, что только путь христианского, гуманистического и гуманитарного образования (на который Россия вступила в начале правления Александра I) может привести его отчизну к силе, счастью и

³⁰ Титул «Принц Верующих» носил испанский халиф Абд ар-Рахман III, объявивший себя «халифом Кордовы» в 929 г.

³¹ Автор намекает на свое знакомство с графом Остерманом в Мюнхене.

³² Политика Николая I, превратившего Россию в «жандарма Европы», вызвала резкое противодействие Запада, и со временем привело к значительному ухудшению международных отношений России почти со всеми западными странами.

величию. В своё путешествие³³ граф Остерман взял не только собрание книг, насчитывающее более 500 томов, но и большую картину Христа в терновом венце. Этот багаж дополнял бронзовый бюст Александра I, творца и величайшего благодетеля новой России. Эти громоздкие вещи сопровождали его на протяжении всего путешествия по Востоку и по воде, и по суше, словно талисман, приносящий счастье. На алтаре в его комнате с ярко-красным ковром горели белые восковые свечи, а на памятные даты или когда воспоминания с особой силой овладевали им, курился фимиам. Такой антураж нередко наводил приверженцев Ислама на подозрение, что мы — идолопоклонники. «Смотрите на московского бога! *Elleri jok kollari jok* (у него нет рук)», — то и дело восклицал какой-нибудь молодой мусульманин из гарема, при виде графского алтаря, похожего на аппарат для отправления языческого культа. Особенно часто такое случалось в Верхнем Египте. Больше чем граф Остерман для своего домашнего алтаря не сделали даже Вергилий и Гораций для Божественного Августа (*Divus Augustus*, лат.).

Это стало у графа своеобразным культом, подобным культу древнерусских богов Святовита³⁴ и Перуна,³⁵ и желая подражать памятникам и наскальным изображениям Сесостриса³⁶ и Салманасара³⁷, Остерман велел высечь на мраморной плите свои тезисы о правлении Александра I и о двадцатипятилетнем «траянском счастье»³⁸ на языке, понятном его москвитам и всему миру, и прикрепить ее как мемориальную доску к стволу дерева в знаменитой кедровой роще в Ливане.

Как уже поняли читатели, царь Николай I и наш герой не выносили друг друга. Не станем обстоятельно повествовать тут о восточных путешествиях графа Остермана, здесь не место такому подробному рассказу. Как минимум, пока еще не известно, откажусь ли я от мысли о том, что надо когда-нибудь записать на бумаге фрагменты и беглые очерки о нашем совместном путешествии. Но каждый должен знать, что граф приехал на Восток не столько для того, чтобы поглазеть на пирамиды Мемфиса, мавзолеи и королевские залы Фив, высеченный в скале храм Абу-Симбел в Нубии и цветущие сады Дамаска, сколько, чтобы взглянуть на Иерусалим, эту славянскую национальную идею, мастерской рукой представленную в «*Pélerins Russes*»³⁹, а так же смиренно помолиться

³³ Остерман-Толстой вместе с Фальмерайером в 1831–1834 гг. путешествовал по Востоку.

³⁴ Святовит или Свентовит — добрый Бог плодородия у славян, враг злого Черногобога.

³⁵ Перун — древнерусский бог, покровитель князя и его дружины.

³⁶ Сесострис или Сезострис — легендарный фараон (король) древнего Египта, часто упоминающийся в античной литературе.

³⁷ Салманасары — династия царей, правившая в Ассирии в 1274–722 г. до н.э.

³⁸ 25-летнее царствование Александра I сравнивается с правлением римского императора Траяна, который пользовался громадной популярностью как в народе, так и в высших кругах. Тацит назвал время правления Траяна «счастливейшим веком».

³⁹ Возможно, подразумевается работа Е.М. Фроловой-Багреевой «*Les pèlerins russes à Jérusalem*» (Брюссель и Лейпциг, 1854).

на могиле того, на кого весь мир возлагает свои надежды. Вот что повлекло его на Восток. Можно представить себе гордого воина, героя Бородина и Кульма, с глубочайшим чувством собственной ничтожности беспомощно преклонившего колени перед саркофагом на Голгофе!

Несомненно, что за долгое время нашего общения характер этого московитского дворянина должен был раскрыться в своем истинном облике со всех сторон, но факт, что мы знакомы уже полных 26 лет и что за это долгое время наша дружба сохранила обоюдную первоначальную теплоту и завершилась лишь со смертью графа — свидетельствует в пользу Остермана. Поговорка гласит: «стоит только немного поскрести любого русского, чтобы увидеть татарина». Граф Остерман представлял собой прямо противоположный случай — под внешней оболочкой татарина скрывался такой богатый запас благожелательности, прямоты, остроты мысли, признательности даже за самые незначительные услуги, оказываемые ему, и в то же время такая скромная и умеренная оценка собственной значимости, что есть все основания причислить усопшего к любезнейшим представителям аристократии русского народа.

Оставим сейчас в стороне вопрос, принес ли опытный придворный и светский человек больше пользы безродному литератору, или наоборот, безродный литератор дал больше опытному придворному и светскому человеку. Нельзя не признать между тем, что человек со схоластическим образованием (такой, как я) всегда лишь выигрывает от общения с высокопоставленными, значительными и опытными людьми, тесно причастными к событиям эпохи.

Нет нужды уверять читателя в том, что в нашем распоряжении находится дневник с описанием долгого путешествия сиятельного графа, содержащий некоторые пикантные сцены. Можно было бы привести немало примеров высокомерной уверенности, с которой знатный и богатый русский, чья юность прошла в турецких войнах, противостоял османским властям на земле Турецкой империи, равно как и деспотичному своенравию, не желавшему покориться даже стихиям, но это все — малозначительный хлам.

Вернувшись из путешествия по Востоку, граф Остерман еще около трех лет провел в своем палаццо во Флоренции, а осенью 1837 г. навсегда покинул особенно дорогую ему Италию, чтобы перенести своих домашних божков, свою тоску и свои воспоминания через Альпы в счастливую и благоустроенную свободную республику на Женевском озере. Лишь однажды за последние 20 лет неугомонный граф покинул сей тихий оплот благополучия и совершил летнее путешествие вниз по Рейну к Зюйдерзее в Амстердам и через Париж обратно в Женеву, будто прощаясь с миром.

Часто повторяемая просьба написать, или хотя бы продиктовать кому-нибудь мемуары о своей достойной подражания жизни (по примеру других его товарищей по славе и оружию) граф Остерман отвергал с решимостью, достойной сожаления. Упорство его нельзя было объяснить иначе, как недоверчивостью русского характера, во всем подозревающего ловушки, продажность и предательство. Нескромное, самодовольное, распущенное и тщеславное выставление напоказ собственной персоны, как это принято на Западе, претило графу Остерману до глубины души. Правда, никто не слышал о том, чтобы какой-нибудь сатрап из Артаксерксов⁴⁰ или Кубилай-хан⁴¹ оставил потомкам мемуары о своей придворной или военной жизни. Совершать смелые подвиги и самому как можно меньше говорить о них — вот, по глубокому убеждению деспотично-либерального графа Остермана, единственно правильное мерило человеческих стремлений.

Главной страстью графа Остермана была его любовь к Отчизне. Сила этого чувства порой приводила в изумление и повергала в раздумья меня, как сына сильно раздробленной Германии, но переполняла сердце графа горечью и делала еще невыносимее вынужденное бездействие и добровольное изгнание, к которому принудили его обстоятельства. На склоне лет, однако, ему удалось увидеть венец собственной доблести и непоколебимости и разочарование своего царственного противника. Только цена, которую «Святой Руси» пришлось заплатить за эти горькие результаты при Севастополе⁴², казалась слишком высокой даже графу Остерману, повидавшему дисциплину Суворова, пляску смерти под Измаилом, кровь, трупы и руины. Увы, воздаяние пришлось слишком поздно, чтобы остановить последствия времени и долгих бедствий.

Но поскольку смерть — это необходимость, а потому не зло, можно предположить, что душе этого человека, возвысившегося над границами бытия и с высоты своей одиноко взиравшего на гибель двух поколений, не был горек глоток воды из Леты, а переправа в потусторонний мир не была тягостна, она стала лишь актом освобождения от боли и скорби.

*nec mihi mors gravis est posituro morte dolores*⁴³.

⁴⁰ Артаксеркс — имя пяти царей империи Ахеменидов (Персия, 465–329 гг. до н.э.), а также трех королей империи Сасанидов (Иран, 224–651 гг. н.э.).

⁴¹ Кубилай-Хан (1215–1294) — монгольский хан, основатель монгольского государства Юань. Прославился завоеванием всего Китая, Бирмы, Камбоджи и Кореи.

⁴² Речь идет о неудачах Крымской войны 1853–1856 гг.

⁴³ «Не тяжела мне и смерть: умерев, от страданий избавлюсь» — цитата из «Метаморфоз» Овидия (книга 3, строфа 471). Перевод с лат. С.В. Шервинского.